

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ под редакцией и с критико-биографическим
очеркомъ А. М. Скабичевского и с приложениемъ портрета Шеллера.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ Приложение къ журналу "Нива" за 1904 г. //Издание А. Ф.
МАРКАСА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1904
FB2: "rvvg ", 02 July 2015, version 1.0
UUID: 86E23B78-C5F5-4ECD-BF99-09945323655C
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Константинович Шеллер- Михайлов

Желчь

ШЕЛЛЕР, Александр Константинович, псевдоним — А. Михайлов (30.VII(11.VIII).1838, Петербург — 21.XI(4.XII).1900, там же) — прозаик, поэт. Отец — родом из эстонских крестьян, был театральным оркестрантом, затем придворным служителем. Мать — из обедневшего аристократического рода.

Ш. вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, подвижник-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России. Декларативность, книжность, схематизм, откровенное морализаторство предопределили резкое снижение интереса к романам и повестям Ш. в XX в.

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ
Желчь

Извините, господа, я тоже обѣщаль вамъ разсказъ, но позабыль объ одномъ незначительномъ препятствіи; дѣло въ томъ, что я вовсе не умѣю разсказывать... Ну, начали посмѣиваться! А, право, ничего нѣтъ смѣшного въ томъ, что разсказывать не умѣетъ человѣкъ и, сверхъ того, русскій человѣкъ, то-есть существо молчаливое, несообщительное, проводившее жизнь за перепиской бумагъ, за картами, за пляской, за попойками или въ спаньѣ, однимъ словомъ существо, которому милліоны разъ говорилось: «да какъ ты смѣешь разговаривать!» Чтобы наказать васъ за этотъ вѣтреный смѣхъ, я прочитаю вамъ чужой разсказъ, грубый до цинизма, ѣдкій до боли. Онъ попался мнѣ въ бумагахъ (между счетомъ прачки и первымъ посланіемъ Пушкина къ Чаадаеву) послѣ смерти одного изъ моихъ дальнихъ родственниковъ, Егора Дмитріевича Благолѣпова. Егоръ Дмитріевичъ былъ человѣкъ угрюмый, жёлчный, съ большими причудами, всѣ называли его мизантропомъ, боялись его ядовитого и остраго, какъ бритва, языка, и, слыша его злобныя, нерѣдко циническія выходки, съ

состраданіемъ говорили, что онъ сумасшедшій. Онъ, съ обычною своею находчивостью, очень часто проявляющеюся въ сумасшедшихъ, называль это мнѣніе «средствомъ удобно проглотить крупную пилюлю обиды». Какой-то старикъ назвалъ его однажды Пигасовымъ. «Этотъ мальчикъ, — сказалъ Егоръ Дмитріевичъ про старика: — кажется, до сихъ поръ убѣжденъ, что всѣ лошади сдѣланы изъ дерева, какъ его старая игрушечная лошадка». Насчетъ своихъ похоронъ онъ распорядился слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: «На гробъ пять рублей. На могилу три, а если можно заплатить дешевле, хоть бы и за общую, то тѣмъ лучше, товарищи меня не стѣснять. За отпѣваніе рубль. Могильщику полтинникъ. На свѣчи полтинникъ. Читальщика не надо, въ видахъ экономіи я самъ прочиталъ весь псалтырь при жизни. Гости, если таковыя придуть провожать мое тѣло и сплетничать о моемъ прошломъ, могутъ идти по своимъ домамъ и тамъ помянуть меня; если же они ничего не изготовятъ въ этотъ день, надѣясь на поминки, въ чемъ я вполнѣ увѣренъ, то тѣмъ лучше: они узнаютъ прав-

дивость того правила, что на чужой коровай рта не разъвай. Все остальное имущество и деньги отдать кончающему курсъ гимназисту Ивану Андрееву Лукину; ему деньги нужныѣ, чѣмъ моему скелету приличныя похороны». Послѣ смерти чудака всѣхъ удивило то, что онъ постоянно давалъ даровые уроки шестерымъ бѣднымъ мальчуганами и такъ привязалъ ихъ къ себѣ, что они рыдали, какъ большіе, надъ его трупомъ. Кромѣ ихъ, выла надъ нимъ какая-то старая собака... Потрудитесь придвинуть ко мнѣ свѣчу. Я начинаю чтеніе.

* * *

«Вотъ опять зима наступила, шестидесятая зима въ моей жизни, и такая же она суровая, такая же долгая, какою была и въ тотъ годъ, когда, при свѣтѣ сальнаго огарка, подъ вой мятели и проклятъя пьянаго отца, я впервые почувствовалъ холодъ жизни и обрадовалъ или опечалилъ, право, не знаю навѣрное, свою бѣдную мать первымъ крикомъ существованія. Боже мой, Боже мой, сколько переменъ въ средствахъ, въ чувствахъ, въ убѣжденіяхъ пережилъ а въ эти шестьдесятъ

ничѣмъ не отличавшихся другъ отъ друга зимъ! Съ какимъ телячьимъ восторгомъ привѣтствовала я первый снѣжокъ, крутившійся въ воздухѣ, въ тѣ дни, когда, въ какомъ-то капуцинѣ — халатѣ домашняго изобрѣтенія — бѣжалъ я въ прискачку въ уѣздное училище съ ватагой Сенекъ, Ванекъ, Мишекъ, оставшихся на вѣки-вѣчныя Сеньками, Ваньками и Мишками... Впрочемъ, виновать, одного изъ нихъ уже публично признали за Симеона — при отпѣваніи его тѣла... Коньки, салазки, снѣжки, осады снѣжныхъ крѣпостей, ледяныя горы, — все, все радовало маленькое, глупенькое сердчишко. Зато съ какой горечью, съ какой малодушной завистью встрѣчалъ я зиму, отправляясь въ легко-мъ пальто на нелюбимую службу, не имѣя теплой одежонки и видя закутаннхъ въ ентовыя шубы богачей. Какъ я проклиналъ зиму, когда въ эту пору больная мать, завернувшись въ послѣдніе лохмотья, не могла отогрѣть своего продрогшаго въ холодной камеркѣ тѣла, и тихо, какъ догорѣвшая до конца свѣча, гасла, гасла до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣ свыклись съ мыслью о близости

и необходимости ея смерти, и рѣшились по дружбѣ изъяслять мнѣ сожалѣніе, что я связана старухою по рукамъ и по ногамъ, что пора бы ей дать мнѣ покой и не заѣдать молодого вѣка. Эти намеки пробудили первые упреки моей совѣсти и сомнѣніе въ прочности человѣческихъ чувствъ, потому что эти же позорныя мысли, безъ моей воли, уже не разъ мелькали въ моей головѣ и заставляли создавать планы лучшей жизни, когда умретъ мать. „Нищета, нищета, — воскликнулъ я, поддаваясь отчаянію:— ты отняла у насъ все, даже сладость святой, безкорыстной любви. Твои члены любятъ другъ друга, покуда каждый можетъ добывать свою долю насущнаго хлѣба. Ты сдѣлала человѣка звѣремъ! Но, можетъ-быть, это только я такъ черствъ; можетъ-быть, только я такъ мало люблю свою мать, что въ меня закралась мысль о необходимости ея смерти? Нѣтъ, нѣтъ, тогда почему бы знали посторонніе люди, что эта мысль возможна? Какъ смѣли бы они оскорблять меня въ глаза, если бы эта мысль была нравственнымъ уродствомъ? Разкѣ смѣетъ кто-нибудь сказать своему собрату: „Какъ жаль, что

у тебя нѣтъ ножа, чтобы зарѣзать своего друга!“ Нѣтъ, моя мысль была нормальнымъ явленіемъ. Всѣ бѣдняки думаютъ такъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и всѣ люди знаютъ это... Но вотъ мать угасла совсѣмъ, и мнѣ осталось одно: купить гробъ, чтобъ сложить въ него худой трупъ, похоронить его и на другой день, чувствуя ознобъ, позавидовать участи покойницы. Какъ искренно ненавиждѣлъ я тогда зиму, такую же точно зиму, какую я хотѣлъ бы продлить безъ конца черезъ десять лѣтъ послѣ смерти матери, выбившись изъ нужды, сидя въ собственномъ домишкѣ, наслаждаясь долгими, темными вечерами съ молодой, чудной женою, любуясь рѣзвымъ огонькомъ въ печи, отдыхая подъ звуки любимаго голоса, шептавшаго мнѣ „ты скоро будешь отцомъ!“ Какимъ нѣжнымъ, чуткимъ и женственно-нервнымъ существомъ былъ я прежде, какимъ черствымъ, сухимъ и суровымъ смотрю я теперь, и только тогда, когда я проклиная прошлое, проклиная ту зиму, съ которой начался внутренній переворотъ; только тогда я еще чувствую, что я человѣкъ, что во мнѣ не все убито, что если у меня нѣтъ

силы спасти падшаго, то есть силы бросить комокъ грязи въ лицо его враговъ... Вы любите потрясающіе рассказы, они васъ потѣшаютъ. Оно и точно: отрадно въ темой комнатѣ, къ кругу друзей, среди прекрасной обстановки, послушать, какъ страдаютъ, какъ гибнуть наши братья и, дослушавъ послѣдніе крики ихъ страданій, проклятій и позора, отправиться къ мягкой постели и чувствовать, что сонъ клонитъ сильнѣй послѣ всѣхъ этихъ прослушанныхъ ужасовъ, что на душѣ дѣлается спокойнѣе... Не вздумайте отвергать этихъ словъ, не вздумайте разсмѣшить меня до колотья увѣреніемъ, что вы этими рассказами хотите смягчить свое сердце, наполнить его состраданіемъ и любовью къ ближнимъ. Вздоръ! Не смягчить его рассказомъ, если его не смягчила жизнь! Она мечется въ глаза страшнѣе самыхъ страшныхъ повѣствованій; даже я, задыхающійся отъ желчи, пропитанный ею до мозга костей, не могъ бы передать вамъ милліонной частицы ужасовъ жизни. Но тебя, блестящая львица модныхъ баловъ, тѣшутъ эти рассказы, потому что ты, видя въ нихъ, какъ оскорбляютъ и

позорять развратники твою бѣдную сестру, можешь радоваться тому, что эти же люди трепещутъ передъ тобою и едва смѣютъ коснуться твоей руки на балѣ. Ты, накопившій имѣнье отецъ, читая про раздоры въ семьѣ, неразлучные съ нищетою, радуешься своему богатству и убѣждаешься все сильнѣе и сильнѣе, что оно крѣпко и надолго привяжетъ къ тебѣ покорность твоихъ сыновей. Ты, любящая мать, слыша, что честная труженица неизбѣжно должна погибнуть въ нуждѣ, а богатая вѣтреница непременно найдеть жениха по душѣ и будетъ главою въ будущей семьѣ, ты успокоиваешься насчетъ участи своей дочери и засыпаешь съ ясной улыбкой. Да, это все такъ, это все въ порядкѣ вещей, людямъ никогда не надоѣдятъ новыя подтвержденія ихъ силы, счастья и славы. Поэтъ съ трепетомъ прочитываетъ страницы, написанныя по поводу его произведеній, и спѣшитъ убѣдиться, что онъ все попрежнему первый пѣвецъ на родинѣ, что все попрежнему раздаются сѣтованія о малочисленности талантовъ, — и благодарить Бога за эту малочисленность, радуется, что въ теченіе десят-

ковъ лѣтъ продолжается застой и не является никакого другого, болѣе могучаго генія... Слушайте же горькіе рассказы, наслаждайтесь, спите сладкимъ сномъ, будьте счастливы и, чтобы ваше счастье было еще полнѣе, даже я, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ горя и жолчи, какъ подачку, какъ милостыню, какъ обглоданную кость, бросаю вамъ мой рассказъ. Вы его возьмете, вы насладитесь имъ, и я улыбнусь своей злобной улыбкой, потому что въ эту минуту мнѣ удастся стать выше васъ, дать подаянье богачу отъ жалкой трапезы нищаго.

Я уже сказалъ, что я родился бѣднякомъ, и тутъ же имѣлъ смѣлость, глядя вамъ прямо въ глаза, замѣтить, что у меня былъ послѣ собственный домишко. Въ эту минуту — не надѣвайте своей обычной маски лицемѣрія, долой ее, скорѣе долой! — въ эту минуту въ вашихъ головахъ промелькнула мысль: „подлецъ, вѣрно, взятками нажился!“ Вы добрые, вы честные люди, и потому вамъ позволено, вамъ естественно подозрѣвать каждого изъ окружающихъ въ подлости, во взяточничествѣ, во всѣхъ гнусныхъ порокахъ. Иначе почему бы вамъ и слыть добрыми и чест-

ными? Не считайся другіе подлецами, и васъ сволокли бы съ пьедесталовъ и назвали бы обыкновенными, — не добрыми, не злыми, не честными, не подлыми, — а обыкновенными смертными, исполняющими свои обязанности — и не болѣе, исполняющими ихъ, потому что надъ всѣми есть и карающій законъ, и бдительное общественное мнѣніе, и судящій Богъ... Но вы ошиблись въ своемъ предположеніи: я не былъ подлецомъ. Теперь я въ этомъ сильно раскаиваюсь... Румянъ, скорѣе румянъ! слушатели хотятъ нарумянить свои щеки и сказать мнѣ, что они краснѣютъ за мое признаніе... Я не употребляю румянъ, и только потому говорю безъ краски на лицѣ, что раскаиваюсь въ своей честности, но поздно; старъ я сталъ, къ новому образу жизни привыкать трудно, да и не стоитъ, некому копить деньги. Развѣ на поминовленіе души?.. Въ первые годы юности, меня спасли отъ подлости не книги, не люди, не разсудокъ, но особенности моей натуры: нервность, впечатлительность, самолюбіе. То я слезъ бѣдныхъ просителей не могъ видѣть и хлопоталъ для нихъ даромъ (то-есть за ка-

зенное жалованье, что и называется даромъ); то меня раздражала наглость сильнаго негодяя, хвалившагося возможностью согнуть въ бараній рогъ слабаго противника; то душа возмущалась тѣмъ, что люди смѣютъ бросить мнѣ взятку только потому, что я нищій и что они считаютъ меня рабомъ, готовымъ лизать ихъ ноги за ихъ проклятое богатство. Ну, вотъ и не бралъ взятку, а работалъ. Что работалъ? Все! Пѣшкомъ въ столицу ушелъ, въ университетѣ вольнослушателемъ былъ, бумаги переписывалъ, сапоги себѣ чинилъ, бѣлье штопалъ, за четвертаки дѣтей грамотѣ училъ, полы въ своей комнатѣ шваброй мылъ, на кандидата экзамень выдержалъ... Всѣ, кто меня зналъ, умные, глупые, ученые и необразованные, всѣ звали меня или скрягой, или челоукомъ съ низкой душой, и нашлись такіе остряки, которые увѣряли, что своими глазами видѣли, какъ я шелъ въ прачечную съ корзиной грязнаго бѣлья на головѣ, какъ потомъ полоскалъ его на рѣкѣ и послѣ разносилъ накрахмаленныя и выглаженныя мною юбки давальцамъ. Нашлись и такіе, которые улыбалясь этикъ островамъ, какъ улыбаетесь

въ настоящую минуту и вы... До меня доходили эти слухи: вѣдь бѣднякамъ и въ глаза такія вещи говорятъ, — и я все выше и выше поднималъ голову, все смѣлѣе и тверже глядѣлъ въ глаза этимъ людямъ и — странное дѣло! — немногіе выносили взглядъ этого человѣка съ низкой душой! Нашлась женщина, которая вынесла этотъ взглядъ, которая отдала за него всю жизнь, — поймите это! — молодую, чудную, непорочную жизнь. Веселье было наше трудъ вдвоемъ. Еще веселѣе было намъ, когда мы вошли въ домишко, состоявшій изъ четырехъ комнатъ, и сказали: „это нашъ домъ!“ Тутъ была и гордость, и радость, и надежда на свѣтлые дни. И точно, эти дни настали: я, жена и нашъ сынъ были однимъ человѣкомъ. Это былъ крѣпкій союзъ. Часто оскорбляли или огорчали того или другого изъ насъ люди, но мы сходились вмѣстѣ и весело смѣялись надъ людьми, надъ ихъ гнусной злобишкой, стараніемъ ужалить въ пятку, подкрасться сзади, обобратъ соннаго, опозорить отсутствующаго. Эта злоба могла насъ лишитъ всего, кромѣ нашей честности, кромѣ нашей любви. Я помню, какъ-будто это было

вчера, одинъ вечеръ, когда нашъ сынишка пришелъ изъ школы красный, какъ вареный ракъ, взволнованный до-нелзя, и съ раздраженіемъ началъ рассказывать о случившейся неприятности.

— Ридъ, — говорилъ онъ на своемъ дѣтскомъ, безсвязномъ языкѣ, похожемъ на лепетъ: — спрашивалъ классъ. Семеро не знали. Я сталъ отвѣчать. Онъ не слышалъ, сказалъ: „Ты тоже не знаешь!“ А я все зналъ. Это онъ солгалъ. Теперь у меня дурной балль...

— Успокойся, — промолвилъ я, слыша въ его голосѣ слезы. — Отвѣтъ мнѣ урокъ — вотъ и конецъ весь. Что тебѣ за дѣло до балловъ.

Сынишка отвѣтилъ отлично.

— Ну, и молодецъ! — сказалъ я, весело смѣясь.

— А какъ же въ школь? Я ниже другихъ буду...

— Такъ что жъ такое? Вѣдь ты знаешь. Что ты лучше ихъ сдѣлалъ свое дѣло, и этого съ тебя довольно.

Я развилъ передъ сыномъ цѣлый рядъ понятій и взглядовъ, которые поддерживали

меня самого въ жизни. Я показаль ему, что человекъ долженъ поступать честно для самого себя, для своей совѣсти, что хорошіе поступки не требуютъ награды. Конечно, я не сказалъ ему, что до сихъ поръ въ человѣческомъ обществѣ, по большей части, правдивые страдаютъ, что негодяи торжествуютъ, что честность есть своего рода оригинальничанье... Въ то время я и самъ не совсѣмъ убѣдился въ этомъ и воображалъ, что какой-нибудь честный Иванъ блаженствуетъ, умирая съ годода за свою честность, а взяточникъ Григорій не знаетъ ни днемъ, ни ночью покоя, и мучится, видя, какъ передъ нимъ ползаютъ и умные, и честные, какъ всѣ его уважаютъ, какъ ему открываются всѣ житейскія наслажденія...

Ребенокъ съ этого дня сталъ бодрѣе учиться. Сначала онъ былъ робокъ передъ учителями, теперь былъ спокоенъ, твердъ, зная, что не ихъ баллы, а его совѣсть должна быть его высшимъ судьей. Когда баллы были худы, онъ прямо приходилъ ко мнѣ, отвѣчалъ урокъ и успокоивался. Съ этого дня онъ хотя и инстинктивно, но сталъ дорожить нашимъ

СОЮЗОМЪ.

Чего бы, кажется, было нужно еще? Счастье было полное, мы могли жить, попѣвая пѣсенки à la Béranger. Но мы смотрѣли на жизнь болѣе трезво. Ребенокъ или Béranger, это все равно, унесенный въ лодкѣ волнами моря, можетъ спокойно плести вѣнки изъ сорванныхъ на берегу цвѣтовъ; но взрослый человекъ въ этомъ положеніи будетъ выносить страшную муку, зная, что лодка не колыбель, что море не твердая земля. Счастье человека не имѣетъ никакого будущаго, если общество не дорожить сохраненіемъ, цѣлостью этого счастья, если оно старается разрушить это счастье. Каждый человекъ долженъ самъ устраивать свое счастье, но общество должно его застраховать; иначе... иначе будетъ та же глупая жизнь наугадъ, какою всѣ живутъ до сихъ поръ, будетъ то же хожденіе впотъмахъ, ощупью, тотъ же страхъ передъ завтра. Мы всѣ это знали, и иногда бывали у насъ минуты неодолимой грусти. Разумѣется, вы не поймете этой грусти. *On danse chez vous sur le volcan!* Вы должны кругомъ, у васъ долговъ больше, чѣмъ волосъ на

головѣ — и все-таки вы весело скачете въ бѣшеномъ вальсѣ, въ этой современной пляскѣ св. Витта, не заботясь о томъ, что завтра, послѣ этой Вальпургіевой ночи, васъ могутъ стащить въ тюрьму неисправныхъ должниковъ. Она полна — не дай Богъ, чтобы въ ней нашелся уголь и для васъ! Жена, я и сынъ были нервными, впечатлительными людьми; насъ тревожило малѣйшее горе, посѣтившее ближняго, давило безучастіе другихъ къ этому горю. Вамъ покажется это смѣшнымъ, дѣтскимъ, болѣзненнымъ малодушіемъ, негоднымъ въ обществѣ; вы всѣ знаете пословицу: на кладбищѣ живешь, такъ всѣхъ покойниковъ не оплачешь, этимъ себя только встревожишь, надо быть твердымъ. Я самъ теперь вполне согласенъ съ вами, умные, твердые люди, и никто изъ васъ не можетъ похвалиться такою твердостью, какъ моя... Въ такомъ настроеніи застала насъ та роковая зима, съ которой началось мое перерожденіе. Зима была суровая; богатые люди кутались въ шубы и прятались въ каретахъ; побѣднѣе люди запасались двойнымъ бѣльемъ, фуфайками и кутались въ шинели;

совсѣмъ бѣдные отогрѣвали себя водкою, откупъ торжествовалъ, у этихъ бѣдняковъ не было ни фуфакъ, ни шубъ, ни каретъ: итакъ, слава тому, кто первый превратилъ хлѣбъ въ вино! Ставьте ему монументъ, бѣдняки, напивайте до-пьяна страшнаго зелья, заливайте имъ свое горе, разливайте имъ въ своихъ жилахъ адскій огонь, наперекоръ трескучимъ морозамъ, придавайте имъ силы на зло забывающей васъ судьбѣ, и когда горе захватитъ за самое сердце, пойте веселыя пѣсни, громкія, пьяныя пѣсни, будьте ими уснувшихъ дѣтей, пугайте ими запоздалаго пѣшехода, тревожьте сонъ сибарита!..

Дѣло было около Рождества; пошелъ я купить елку для сына и десятилѣтней дочери. Какъ-то особенно тяжело было мнѣ въ этотъ день, меня рѣзали по-сердцу жалобные голоса изморившихся нищихъ, бродившихъ около воевъ съ провизіей и выпрашивавшихъ гроши у покупающихъ дичину богачей. Мнѣ было просто совѣстно тащить десятокъ куръ, пробиваясь между людьми, у которыхъ, можетъ-быть, нѣтъ хлѣба. Закупивъ нужное, я поѣхалъ домой; подъѣзжаю и вижу у своего

домика стеченіе празднаго народа. Я заглянулъ, на что смотрять любопытные, и увидалъ лежащаго на снѣгу челоуѣка.

— Что это, пьяный? — спросилъ я.

— Пьяный, батюшка, — отвѣчали мнѣ.

— Надо его подобрать, гдѣ подчасокъ?

Я послалъ за подчаскомъ и, наскоро сунувъ провизію и елку въ кухню, вышелъ снова на улицу. Посланный возвратился и объявилъ, что подчаска нѣтъ, а будочникъ не можетъ отойти отъ будки. Я тотчасъ сообразилъ, что челоуѣкъ можетъ замерзнуть, и рѣшился внести его въ свой домъ. Въ эту минуту по улицѣ проѣхала карета и остановилась.

— Что вы смотрите? — спросилъ выпрыгнувшій изъ кареты баринъ. — Челоуѣкъ замерзнуть можетъ, а вы помочь не хотите, мерзавцы! Каждый изъ васъ можетъ завтра же быть въ такомъ положеніи, значитъ надо и другихъ спасать, чтобы отъ нихъ помощи для себя требовать.

— Я его сейчасъ къ себѣ на домъ хочу отнести, — сказалъ я.

— И прекрасно сдѣлаете, — замѣтилъ гос-

подинъ. — Удивительный у насъ народъ, скоты безчувственные какіе-то: посмотрѣли бы вы за границей, тамъ общество само подаетъ помощь своимъ членамъ въ подобныхъ случаяхъ, а не ждетъ полиціи. У насъ же человекъ можетъ погибнуть на улицѣ, а помощи не дождется. Никто не понимаетъ, что въ этихъ случаяхъ нужна самодѣятельность общества...

Господинъ говорилъ такъ, какъ говорятъ всѣ господа и какъ вслѣдъ за господами пишутъ всѣ журналисты, слѣдующіе своимъ обезьяньимъ наклонностямъ. Я читалъ постоянно газеты я могъ угадать впередъ, что скажетъ мнѣ этотъ баринъ, а потому и поспѣшилъ, не тратя словъ, приступить къ дѣлу.

— Ну, братцы, пособите поднять его, — сказалъ я.

Большая часть толпы торопливо разошлась при этихъ словахъ, въ остальной пробѣжалъ ропотъ.

— Охота связываться! наживете бѣды! — говорили голоса.

— Свиньи! — крикнулъ баринъ и велѣлъ

сойти своему кучеру и помочь мнѣ.

Перенесли бѣднягу ко мнѣ. Я велѣлъ его оттирать, а самъ побѣжать въ полицію дать знать. Въ кухнѣ мнѣ попались дѣти, печально ходившія около елки: ихъ встревожило появленіе въ квартирѣ пьянаго человѣка, котораго они считали за мертвеца

— Что вы, городской, что ли, что съ улицъ пьяныхъ подбираете? — обидчиво замѣтилъ мнѣ надзиратель, когда я пришелъ въ кварталъ.

— Не городской, но будочникъ и подчасокъ не явились на зовъ, а человѣкъ могъ бы замерзнуть.

— Ну, и замерзъ бы, такъ не вы бы отвѣчали, — холодно отвѣтилъ надзиратель.

— Вѣдь это безчеловѣчно! Этакъ можно даже допустить убить человѣка у нашихъ оконъ, благо мы отвѣчать не будемъ, оправдываясь тѣмъ, что мы спали и не слышали криковъ.

— Ну, это философія! — воскликнулъ надзиратель и послалъ со мною полицейскихъ солдатъ; хотя я требовалъ доктора, но его не было дома.

Пришли домой, а пьяный все еще не пришелъ въ чувство. Солдаты и я подумали-подумали и рѣшили, что надо, во что бы то ни стало, призвать доктора. Тотъ только-что возвратился къ себѣ въ квартиру и разсердился, что я зову его къ пьяному.

— Это много будетъ, если я ко всѣмъ пьянымъ мужикамъ ходить буду.

— Но вы обязаны; я говорю, что онъ не приходитъ въ чувство.

— Привезите его сюда, тогда увидимъ.

— Но онъ на дорогѣ можетъ умереть.

— Это не ваше дѣло.

— Послушайте, докторъ, я на васъ жаловаться буду. Вы имѣете дѣло не съ мужикомъ, который сталъ бы молчать.

— А! вы жаловаться будете! — промолвилъ страннымъ и зловѣщимъ голосомъ докторъ. — Извольте, я пойду.

Пришли мы. Докторъ освидѣтельствовалъ пьянаго и объявилъ, что онъ избитъ. Наѣхала полиція, составили актъ, пьянаго повезли въ больницу, на дорогѣ онъ умеръ. На другой день меня потребовали къ допросу, продержали долго; дерзости, надѣланная мнѣ до-

просчиками, вызвали съ моей стороны нѣсколько жёлчныхъ и крайне рѣзкихъ отвѣтовъ.

— Мы пошлемъ справиться о васъ въ вашъ департаментъ, — сказалъ приставъ. — Вы дѣлаете дерзости здѣсь, то не мудрено, что вы и деретесь съ людьми, которые ниже васъ.

— Не думаете ли вы, что я убилъ этого человѣка?

— Я ничего не имѣю права думать, а собираю справки, — сказалъ онъ съ иронической улыбкой.

— Кажется, дѣло ясно: напротивъ моего дома кабакъ, тамъ, вѣроятно, пьяный и былъ избитъ.

— Очень ловкое объясненіе. Но, къ сожалѣнію, цѣловальникъ говоритъ, что тотъ человѣкъ не былъ въ кабакъ.

— Онъ можетъ врать...

— Очень можетъ быть. Найдите свидѣтелей, что онъ вретъ, мы вамъ будемъ очень благодарны, это распутаетъ дѣло.

Взбѣшенный этой сценой, я возвратился домой; конечно, о елкѣ, о веселой встрѣчѣ праздника не было и помину. На дѣтей пья-

ный подѣйствовалъ очень непріятно; они услышали, что онъ умеръ на дорогѣ, и стали бояться мертвеца, не рѣшаясь пройти по темной комнатѣ. Я былъ раздраженъ и безъ того, и потому не мудрено, что не попробовалъ разъяснить имъ всю глупость ихъ страха, представивъ его въ смѣшномъ видѣ, а прикрикнулъ на нихъ и еще болѣе испугалъ ихъ. Жена была молчалива я какъ-то непріятно строга. Черезъ два дня въ департаментѣ позвалъ меня къ себѣ директоръ.

— Что у васъ тамъ за дѣло съ полиціей завязалось? — спросилъ онъ съ недовольнымъ видомъ.

Это былъ баринъ чопорный, брюзгливый, отличныхъ воспитанія, тона и фамиліи; онъ относился о полиціи съ крайнимъ пренебреженіемъ и, вѣроятно, попалъ бы въ бѣду за этотъ отчаянный либерализмъ, если бы его положеніе въ свѣтѣ не позволяло ему либеральничать какъ угодно и не дѣлало этихъ вольностей довольно миленькимъ кокетствомъ.

Я рассказалъ ему всю исторію.

— Помилуйте, надо не имѣть ни капли

смысла и такта, чтобы поднимать пьяныхъ съ улицы и тащить ихъ къ себѣ въ домъ. Вы могли бы просто послать своего дворника за этими — какъ ихъ тамъ зовутъ? — квартальными, подпасками, кажется, такъ?

— Но это все было бы слишкомъ длинно, а я и то раскаиваюсь въ своей медленности и раздумьѣ.

— Я думаю, ваша жена очень вамъ благодарна за этого гостя, — улыбнулся директоръ своей тонкой, насмѣшливой улыбкой.

У него были прекрасныя манеры.

— Моя жена — женщина, а не истуканъ съ надписью: „человѣкъ!“

— То-есть, что вы этимъ хотите сказать? — прищурился директоръ, выглянувъ изъ-за бумагъ.

— То, что она понимаетъ необходимость подавать немоощь ближнимъ, пьянымъ или ограбленнымъ, генераламъ или мужикамъ — это для нея все равно.

— Вотъ-съ какъ. Совершенство въ чиновническомъ мірѣ! Я преклоняюсь передъ добродѣтелями вашей жены, засвидѣтельствуйте ей мое почтеніе... Только

я попрошу васъ: въ другой разъ, если вы будете имѣть дѣло съ этими слѣдственными подпасками, то не тревожьте департаментъ. Я не желаю, чтобы мои чиновники имѣли дѣло съ полиціей, и если они будутъ имѣть съ нею дѣло, то я попрошу ихъ не доводить этого до меня.

Директоръ вздохнулъ, окончивъ эту рѣчь. По своему положенію въ свѣтъ, онъ имѣлъ полное право управлять русскими и не умѣлъ говорить по-русски; если онъ говорилъ: „подайте мнѣ бумагу съ карандашомъ“, то это значило: „подайте бумагу, на которой написано карандашомъ“.

— Надѣюсь, что вы дали обо мнѣ хорошій отзывъ?

— Я вашей частной жизни не имѣю счастья знать.

— Но вы знаете мою служебную дѣятельность и можете судить по ней о моей частной жизни.

— Помилуйте, люди такъ разны въ разныхъ положеніяхъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Ахъ, Боже мой, что я не знаю вашей

частной жизни.

— Значить, полиція можетъ считатьъ меня и за негодяя, и за мерзавца?

— Это не мое дѣло... Извините, мнѣ крайне совѣстно, но у меня есть дѣло теперь.

Директоръ вѣжливо и сухо раскланялся со мною

Я вышелъ отъ него въ какомъ-то чаду. Дома меня уже ждало приглашеніе изъ полиціи. Начали меня таскать... Черезъ мѣсяць я былъ принужденъ продать за шестьсотъ рублей свой домишко и переѣхать на вольную квартиру въ двѣ комнаты... На моей шеѣ былъ уже долгъ... Надо мной висѣла черная туча, я былъ озлобленъ, измученъ, униженъ. Жена хворала, ее душилъ кашель... Знаете ли вы, что такое бѣдность? Какъ не знать: вы на художественной выставкѣ видѣли картинку, гдѣ былъ нарисованъ нищій: помните, какъ красиво выглядѣла заплата на его зипунѣ? Но знаете ли вы, что у бѣдняковъ постоянные ссоры, раздоры, непріятности изъ-за лишняго куска хлѣба, изъ-за копейки, переданной на рынкѣ кухаркою, которую непременно считаютъ воровкою? Знаете ли вы, что каждый на-

мекъ, каждое неумышленное рѣзкое слово, произнесенное однимъ членомъ бѣдной семьи, оскорбляютъ и вызываютъ на отвѣтъ другого ея члена? Гдѣ вамъ это знать! Этого нѣтъ на художественной выставкѣ!..

— Папа, нищенка пришла, милостыни просить, — сказала мнѣ однажды моя дочь, когда нужда была въ полномъ своемъ развитіи.

Я стиснулъ зубы и, молча, продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Пусть просить, мы сами скоро нищими сдѣлаемся! — съ раздражительностію сказала моя жена.

Бѣдная женщина страдала за дѣтей, зная, что теперь-то и были нужны деньги на ихъ воспитаніе, что Сашенькѣ не худо бы имѣть и особый уголь для выучиванія уроковъ, что въ общей комнатѣ, подъ говоръ разныхъ гостей и посѣтителей, плохое ученье.

— Что это ты пророчишь? — замѣтилъ я. — Ограбилъ я, что ли, свою семью, что меня упрекать можно?

— Я не упрекаю, но согласись самъ, что почти нечѣмъ за Сашу платить въ школу. Ты

впутался въ дѣло, когда въ нашемъ положеніи надо было благодарить Бога, что насъ не трогаютъ, не замѣчаютъ,

— Хорошій ты примѣръ подаешь дѣтямъ. Эгоизмъ, самый гнусный эгоизмъ проповѣдуешь! Ты, вѣрно, изъ нихъ негодяевъ приготовить хочешь. Это, точно, поможетъ имъ нажить богатство и не разориться, какъ разорился ихъ дуракъ-отецъ. Погоди, они еще купятъ тебѣ дорогихъ нарядовъ...

Несчастливая жена задрожала, ее поразила моя желчная выходка. Я отвернулся отъ нея и ушелъ за перегородку. На ея лицѣ я впервые замѣтилъ зловѣщія, красныя пятна, и меня ужаснула мысль, что я самъ оборвалъ еще одну изъ нитей ея жизни. Я видѣлъ, какъ она прижала къ своей груди дѣтей, точно кто-нибудь хотѣлъ ихъ отнять у нея, какъ цѣловала она ихъ, какъ плакала надъ ними; я страдалъ, хватался за голову, сходилъ съ ума. Но я не могъ выйти къ ней, не могъ у ея ногъ вымолить себѣ прощеніе, настолько честности во мнѣ не было: для этого я былъ слишкомъ мужчина, если можно такъ выразиться. Но и въ васъ, во всѣхъ васъ, мои собратья, не на-

шлось бы этой готовности въ такую минуту. Дѣти, видѣвшія слезы матери, слышавшія мои гнѣвныя слова, злобный голосъ, но не знавшія, что творилось въ моей душѣ, естественно, присмирѣли и дичились меня во весь этотъ день. Это еще болѣе оскорбляло и раздражало меня; я не поцѣловалъ ихъ, какъ дѣлалъ это обыкновенно передъ отходомъ ко сну. На другой день, утромъ, они поцѣловали мою руку и быстро отошли отъ меня, не дожидаясь, почти избѣгая моего поцѣлуя... Весь слѣдующій день я былъ хмурымъ и употреблялъ нечеловѣческія усилія побѣдить себя. Вечеромъ сталъ спокойнѣе.

— Маша, — сказалъ я женѣ:— прости меня!

— За что, мой другъ? — произнесла она голосомъ, который рѣзалъ мой слухъ; въ немъ была кроткая, но холодная покорность. — Ты ни въ чемъ не виновать...

— Нѣтъ, я знаю, что я виновать!

— Мой другъ, я говорю, что ты не виновать. Я, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ, такая слабая, такъ еще привыкла къ внѣшнему блеску, къ этимъ женскимъ тряпкамъ, что меня стоило попрекнуть ими.

— Нѣтъ, нѣтъ! — говорилъ я, слушая эти слова глубокооскорбленной женщины и зная, что каждая стремящаяся къ развитію женщина, сознавая слабость своего пола, не выноситъ ни малѣйшаго намѣка на эту слабость со стороны мужчины.

— Я кругомъ виноватъ, я вполнѣ чувствую...

— Ты такой добрый, мой другъ, — заговорила она. — Ты перенёсъ всѣ лишенія; я знаю, какъ ты выбился изъ нужды, ты и теперь выбьешься изъ нея, не падешь духомъ: но я слаба, я не успѣла, или, лучше сказать, не умѣла закалиться; я, какъ ребенокъ, любовалась твоимъ мужествомъ и попрежнему была малодушна. Только теперь я сознаю, что дѣйствительно меня занимали, можетъ-быть, тряпки, что я не стоила быть твоей союзницей, что я въ непростительномъ самообольщеніи считала себя равною тебѣ. О, какъ бы много я дала, если бы было возможно воротить назадъ три дня и умереть тогда, а не теперь! — зарыдала она.

— Маша, Маша! — въ волненіи воскликнулъ я и припаль къ ея рукѣ своими губами.

Она наклонилась ко мнѣ, цѣловала мою голову, мои глаза, ея слезы катились на мои руки, на мое лицо.

Въ эту минуту мы прощались съ прошлымъ; моя Маша самовольно, безропотно, съ неодолимой грустью, выходила изъ роли союзницы и дѣлалась моей ученицей, рабой, а я не могъ всѣми силами міра передѣлать этого, возвратить бывшее. Эти поминки старой жизни рѣшили все. Я стать слѣдовать за больной женщиной-ребенкомъ, какъ нянька, какъ вѣрный песъ, какъ рабъ, и все-таки чувствовалъ, что этотъ ребенокъ считаетъ себя и есть на самомъ дѣлѣ слабѣе меня, ниже меня.

Сентиментальность! глупость! идеальничанье! Да, да, эмансипаторы женщинъ, такими словами встрѣтите вы эти строки, и будете правы, васъ нисколько не потревожитъ, если ваша жена станетъ вашимъ ребенкомъ, вы требуете равноправности не для нея: вы рады тѣшить ее тряпками и играть роль повелителей.

А денегъ между тѣмъ было мало... Квартира, докторъ и лѣкарства для жены, вотъ тѣ новые расходы, которые, во-первыхъ, прину-

дили меня переѣстить сына изъ дорогой школы въ гимназію, то-есть заставить его подлаживаться подъ характеры новыхъ учителей и подъ новую методу преподаванія; во-вторыхъ, заставили меня приняться давать уроки постороннимъ дѣтямъ, то-есть находиться постоянно внѣ дома, знать, что, при лежащей въ постели, раздраженной матери, дѣти постоянно будутъ безъ надзора. Черезъ два года жена умерла. Я остался одинъ съ дѣтьми, но съ какими дѣтьми? Съ сыномъ болѣзненно-раздражительнымъ въ дѣлахъ, касавшихся лично его, и холоднымъ, безстрастнымъ въ дѣлахъ, касавшихся другихъ людей. Съ дочерью капризной и лѣнивой, уже на одиннадцатомъ году думавшей о тряпкахъ, завидовавшей своимъ богатымъ подругамъ. Попробовалъ я ихъ исправить, мнѣ казалось это не труднымъ, такъ какъ они испортились только въ какіе-нибудь два-три года, но дѣло оказалось неисправимымъ. Три года были для ихъ судьбы вѣчностью: дурное сѣмя, говорятъ, быстро даетъ плоды и заглушаетъ хорошее, посѣянное съ огромнымъ трудомъ, политое потомъ... Стоитъ ли гово-

рить о семейныхъ сценахъ раздоровъ? Стоитъ ли хвастать тѣмъ, что моя дочь вышла замужъ за богатаго старика, что она имѣла важнаго любовника, что ее считали законодательницей модъ въ пошлѣйшемъ свѣтѣ, что она не замерзла безъ одежды на улицѣ, а умерла, наѣвшись мороженаго въ безпутно-блестящемъ маскарадѣ? Пожалуй, иные, услышавъ это, ночь не будутъ спать отъ зависти. Или вамъ угодно потѣшиться, какъ чиновникъ-сынъ попрекнулъ меня моею неумѣлостью?

— Помилуйте, батюшка, — сказалъ онъ: — вы кандидатъ университета, а вышли въ отставку, поссорившись съ директоромъ, не выслуживъ ничего.

— Я заслужилъ честное имя и спокойную совѣсть.

— Но этимъ вы сыты не будете. На мiръ надо смотрѣть трезво. *A la guerre, comme à la guerre!* — говорятъ французы. Если у насъ отнимаютъ все и не даютъ ничего, то и мы не должны сентиментальничать. Вы хвалитесь своею твердостью, а въ сущности она просто слабость, непростительная слабость.

Я любовался въ это время его чиновнической, прилично наружностью, его невозмутимымъ спокойствіемъ, его умѣньемъ класть ногу на ногу, сидѣть удобно на креслѣ, ковырять перышкомъ въ зубахъ; онъ мнѣ напоминалъ нашего директора и ужь никакъ не могъ я признать въ немъ потомка дьякона Трофима Благолѣпова.

— Я васъ не упрекаю, — говорилъ онъ:— вы уже устарѣли для упрековъ, но, согласитесь, что вы ничего не могли сдѣлать со всѣми своими гуманными идеями. На что онъ годятся теперь, даже для васъ самихъ?

— Чтобы смѣло плевать въ глаза такимъ подлецамъ, какъ ты! — отвѣтилъ я, всталъ и...

Больше я не видалъ своего сына, больше у меня не было сына, я похоронилъ въ этотъ день своего Сашу. Тотъ Александръ Егоровичъ Благолѣповъ, котораго знаетъ весь городъ, какъ умнаго правителя канцеляріи, какъ богача, женившася на глупой купчихѣ, не мой сынъ. Въ этого звѣрски-грубаго, огрызающася за малѣйшую царапину, нанесенную ему, давящаго безъ состраданія слабыхъ, ловко из-

гибающагося передъ высшими, въ этого за-
шибающаго копейку челоѡка, я первый гото-
въ бросить камень: онъ мнѣ чужой! Онъ, мо-
жетъ-быть, забрызгаетъ грязью, проѡзжая въ
своей каретѣ, мой заплатанный, покрытый
пятнами, сюртукъ, но я нагнусь до грязи и пу-
щу еѡ въ его блестящій форменный мундиръ,
въ его бѣлый, мастерски завязанный гал-
стукъ, въ его приличную, выскобленную
физиономію: онъ мнѣ чужой!

* * *

На-дняхъ, мучимый, по обыкновенію, без-
сонницей, я блуждавъ ночью по улицамъ Пе-
тербурга. Было около трехъ часовъ ночи. Пе-
редъ моими глазами какой-то молодой
челоѡкъ начать взбираться по лѣстницѣ
штукатуровъ на высоту десяти сажень. Я
зналъ, что это мошенникъ или челоѡкъ,
рѣшившійся на самоубійство, и не остано-
вилъ его.

— Вонъ мазурикъ лѣзетъ, — сказалъ мнѣ
дворникъ, караулившій домъ.

— Да, — отвѣтилъ я ему.

— Развѣ подчаска позвать?

— Что жъ, позови, если хочется, — промол-

вилъ я и продолжалъ смотрѣть, какъ неизвѣстный мнѣ человѣкъ взбирался на высоту.

Пришелъ подчасокъ, начала собираться толпа. Изъ дома высунулись отвратительныя заспанная лица женщинъ въ ночныхъ чепцахъ, съ жиденькими косичками, съ полинявшими щеками, бровями, и пугавшія отсутствіемъ вынутыхъ на ночь зубовъ. За этими мегерами торчали еще болѣе отвратительныя фізіономіи съ всклокоченными волосами, съ повисшими внизъ усами; это были мужчины, не проспавшіеся отъ вчерашнихъ попоекъ, отъ вчерашняго разврата. Я продолжалъ смотрѣть и даже нашель силы въ себѣ злобно улыбнуться при мысли, что и эти отвратительныя въ своемъ пьяномъ безпорядкѣ головы требуютъ у кого-нибудь ласкъ и поцѣлуевъ, и требуютъ ихъ именно въ этомъ видѣ. Какъ отвратителенъ человѣкъ съ просонья! Ни одинъ звѣрь не измѣняется отъ сна и только человѣкъ въ минуту пробужденія носитъ на себѣ клеймо своей развратности, своихъ низкихъ побужденій. Въ эту минуту скверно смотрѣть на лучшаго друга! Толпа

завела разговоръ съ неизвѣстнымъ человекомъ.

— Вотъ какъ фонари погасятъ, такъ я птицей слечу, никто и не увидитъ, какъ я слечу, — отвѣтилъ онъ и, раскачивая лѣстницу изо всей мочи, запѣлъ какую-то пѣсню.

Въ этомъ голосѣ было что-то страшное, дикое. Я понялъ, что онъ сумасшедшій, и улыбнулся, потому что вѣдь и меня зовутъ сумасшедшимъ. Минуты летѣли, никто не подостлалъ своей шинели на то мѣсто, куда могъ упасть несчастный; никто не рискнулъ взобраться на лѣстницу и, жертвуя собою, спасти ближняго. Вѣка благодѣтельныхъ самарянъ и великихъ героевъ прошли. Да и были ли когда-нибудь такіе вѣка?.. Была одна минута, когда я хотѣлъ вскарабкаться наверхъ своими старыми ногами, но это была только минута.

„Да нужна ли ему жизнь? — подумалъ я. — Или потѣшить толпу и вмѣстѣ съ нимъ слетѣть съ высоты? Нѣтъ, я хочу еще посмотрѣть на людей, потѣшить злобу, и пусть погибаетъ его молодая жизнь, если она ему не нужна! Мы всѣ чужіе, пусть гибнутъ, пусть страдаютъ, пусть проклинаяютъ лю-

ди, — мы будемъ покойны, пока страданье не коснулось насъ самихъ...“

Толпа между тѣмъ уже успѣла привыкнуть къ новому событію и начала шутить и острить, точно неизвѣстный человѣкъ поселился на вѣчное житье на вершинѣ лѣстницы.

— Вонъ твой женихъ сидитъ! — крикнулъ со смѣхомъ одинъ дворникъ, показывая наверхъ вышедшей изъ дома дѣвушкѣ.

Она подняла голову, чтобы взглянуть туда, и въ то же мгновеніе въ воздухѣ раздался медленный, пронзительный вой, и къ ногамъ дѣвушки упало человѣческое тѣло. Никогда, никогда не забуду я этого страшнаго глухого звука... Я взглянулъ на тѣло, голова еще шевелилась въ предсмертныхъ судорогахъ, кровь лилась ручьемъ на средину улицы... Можетъ-быть, это былъ вашъ знакомый, можетъ быть, это былъ вашъ сынъ, братъ? Ну, бросайте же въ меня каменя за то, что я не спасъ его! Бросайте ихъ и въ эту толпу, стоявшую со мною въ теченіе трехъ часовъ! Безчеловѣчная толпа! Сегодня она не спасла этого бѣдняка, завтра не спасетъ другого. Вы видите ее каждый день, праздно глазѣющею

на лежащихъ въ обморокъ людей, вы слышите въ эти минуты ея звѣрски-бездушныя шутки... Бросайте же въ нее каменья! Чего же вы боитесь?.. Вы съ ужасомъ смотрите на меня, пятитесь назадъ въ своихъ креслахъ, вамъ кажется, что этотъ человекъ забрызгалъ меня своею кровью... Ну, что же? если я страшенъ, такъ идите прочь, идите спать. Я вамъ бросилъ свой рассказъ, свою подачку, вы мнѣ больше не нужны... Теперь вашъ сонъ будетъ крѣпокъ...

* * *

На этомъ мѣстѣ, господа, рассказъ прерывается и слѣдуетъ счетъ бѣлья. Но это нисколько не интересно.